

ЗАПОВЕДНЫЕ ЦЕННОСТИ САРЬЯРКИ

Юрий ПОПОВ, краевед

Продолжение.
Начало в №№ 142, 145, 146, 148)

Этой осенью, в октябре, мне посчастливилось побывать в горах Кент, где я видела развалины буддийского храма, которые у казахов называются, если не ошибаюсь, «Дворец сорока дев», и с ним связаны разные легенды. Недалеко от этих развалин я нашла большое кладбище, по-видимому, антропоскопическое, потому что эти каменные четырехугольные в оврагах и без оград довольно крупные размеры. Там я насчитала этих могил более 30, точно подсчитать в зарослях караганки было затруднительно. Ближе к развалинам была большая группа могил калмыцкого типа. Если Вы увидите с Григорьевым Гр. Вас., то он может Вам рассказать об этом больше. Это я с ним ездила в Кент. Была в Комиссаровке, видела большой дом лесничества, где, говорят, на чердаке были сложены архивы лесничества, которые частично уже уничтожены невежественными людьми, а часть перевезена в Каракалинск. Посмотреть на остатки архива не удалось, хотя времени у меня было более чем достаточно — мы там провели целый день и почевали у старшего лесничего. Но остальная часть дома и верхний этаж были заняты воишской частью, так что не представлялось возможным заходить туда.

Э. Я. Фишер и Ю. Г. Попов. Каракалинск, лето 1967 года. Фото В. Я. Новикова

Всегда вспоминаю своих учителей по краеведческой науке. Их у меня было трое. Это бывший директор Карагандинского областного музея Леонид Федорович Семенов (1901–1986), воин и журналист Шаймарган Аширбекович Мезгиляев (1924–1992) и каракалинский педагог, преподаватель немецкого языка Эдуард Яковлевич Фишер (1894–1984).

Краевед-природоведа Э.Я. Фишера я отыскал в Каракалинске в 1963 году, потом зачастил с поездками и перепишкой. «Каракалинский отшельник» — так любил подписывать письма Эдуард Яковлевич Фишер в последние годы своей жизни. «День рождения я провел дома в полном одиночестве. Но часто приезжают ко мне на машинах из каракалинских пансионатов. Проглядываю беседу с природой. Это еще делаю с удовольствием. Приезжайте. Сегодня у нас много грибов и ягод».

Так писал человек, которому 23 июня 1979 года исполнилось 85 лет. Старый учитель был выслан в Каракалы в 1935 году. Вместе с женой Александрой Ильиничной немей Фишер стал добрым другом многих жителей города. Горькая судьба этой четы требует отдельного обширного повествования. Я же сегодня расскажу только об общественном инспекторе охраны природы Эдуарде Яковлевиче Фишере. Получил он это звание в 1960 году и четверть века считал своим долгом оберегать Каракалинский горно-лесной оазис.

То, что ревнитель природы выступал на сессиях райсовета по проблемам спасения леса от скота, неразумных вырубок, сенокосения в лесных дачах и писал в районную газету о бедах «зеленого пояса» — дело обыкновенное. Так поступают многие. Сила Эдуарда Яковлевича была в другом. Немолодой, сейдой, но еще не потерявший стройности человек без устали курсировал в окрестностях города. Его можно было увидеть на Маликасе, Мухтаровом ключе, в долине Каракалинского, Жауыртогае, а то и на самом берегу озера. По 12–15 часов в лесу среди школьников, туристов, отдыхающих. Опытный педагог знал, как подойти к ребятам, чем их увлечь и свести беседу к бережливому отношению к окружающему миру. Сколько белок, разных птиц, гнездовий, да и просто бродячих собак спасло доброе сердце Фишера. Не любил он и бездумного сбора цветов или березовой коры, не говоря уже о свежесломанных сосенках, как подпорки для палаток.

В лесу Эдуард Яковлевич был не только проводником. Он, как кулестник, демонстрировал его скрытые тайны. Как-то попали мы с ним на поляну Малая Елань. Присели отдохнуть на невысокую кочку, и я услышал историю о том, как в этом самом месте древние люди плавляли разные руды. Не поверил. Тогда Фишер предложил раскопать

любой бугорок. Под слоем дерна открылись горки шлама.

— Я стою и геологов со счетчиком Гейгера приводил, — добавил знаток. — Зафиксировали повышенную радиацию.

Болел он и за судьбу каракалинских кедров:

— По Каракалинке в укромном месте три красавца стояли. Только прожили они лет 50, не более. А потом пришел слух о вырубке лесоза и срубил их для своих столярных работ. Сошло с рук. Я так плакал, загубили дивную редкость. В Комиссаровке до революции были плантации кедров. После войны лесхоз пытался кедр вырастить по особой технологии. Не получилось. Засыхали на третий год. А вот самосев дал свои плоды...

Сильно страдал Эдуард Яковлевич за судьбу диких животных, предлагал завести «Красную книгу Карагандинской области», так как на грани исчезновения оказались козуля, рысь, белка, даже зайцы.

— Где лебеди, журавли, дрофы, турпаны? — спрашивал он с болью в голосе. — Покинул вершины Косшоки и Шанкозы гордый беркут. От людей в лес шум: включают транзисторы, магнитофоны. Зверье и птицы боятся потомство выводить.

Одному Богу известно, сколько споров выдержал Фишер с работниками лесхоза, как бился против непомерно высоких рубок леса, чтобы заповедные места не гибли под ударами топора. Убеждал, что уже в редкость стали столетние деревья.

Радостно, что разум победил и стал действовать Каракалинский национальный парк. Надеюсь, что в летописи его создания будет отведено место и Эдуарду Яковлевичу Фишеру. Всего каракалинский защитник природы прожил 90 лет. До последних дней оберегал бездумных кошек, которых собирал по дороге в столовую, где его бесплатно подкармливали. Умер тихо и незаметно, как и подобает отшельнику.

СТЕПНОЙ РЕПОРТЕР
«МИТРИЧ»

14 января 1917 года в Омске на 68-м году жизни скончался журналист Владимир Дмитриевич Соколов, более известный под легким узнаваемым псевдонимом «Митрич». Местные газеты «Омский вестник» и «Омский телеграф» выразили соболезнование семье товарища по перу и сочувствие читателям Сибири. Время было военное, издания выходили на оборотной бумаге. Авторы совсем небольших некрологов, не приводя биографических данных, нашли яркие слова в адрес свободного мыслителя, неподкупного и яркого современника.

В. Д. Соколов

«...Умер лучший учитель омской молодежи за последние два десятилетия, вписавший своей имя крупными буквами в историю Сибири, живая история сибирской ссылки, оставивший метаморфозы... Благодаря ему началась светлая эпоха газет «Степной край»... Как общественный деятель не стеснялся своих политических убеждений... В неспокойный 1907 год его пригласили на время покинуть Омск... В глуши степей местная интеллигенция оценила человеческие качества изгнанника...»

Для сохранения литературного наследия и личного архива писателя создали специальную комиссию. Для издательства «Земля и воля» подготовили одноименный его очерков, рассказов, публицистических зарисовок и мемуаров. Судьба сборника остаётся неизвестной, как и отдельные детали каракалинского периода жизни сыльного В.Д. Соколова с 1903-го по 1905 год. Попробуем проникнуть в прошлое. Окончив Псковскую военную гимназию, В.Д. Соколов практиковал как домашний учитель. Одно время работал в почтовом ведомстве. Увлекался социал-демократическими идеями. По делу о государственном преступлении 18 апреля 1890 года В.Д. Соколов

приговорён к одному году заключения в тюрьме г. Киева и последующей ссылке в Степной край на 4 года. В августе 1891 года борец за справедливость прибыл в Акмолинск и провёл здесь 2 года. После неоднократных заявлений направленных на поселение в Петропавловск. Служил по вольному найму в правительственных и общественных организациях. Летом 1894 года отбыл в Ташкентскую волость для лечения кумысом. Последний год ссылки провёл в Омске.

Некоторые современники В.Д. Соколова называют его в числе основателей омской газеты «Степной край». Другие вдохновители этого печатного издания: И.Ф. Соколов, П.Ф. Якубович, А.А. Белюков, супруги Флоровские, А.Н. Букейханов и его тесть Я.С. Севостьянов.

Мастерство и талант Митрича проявлялись в сотрудничестве с редакциями газет «Степь», «Голос степи», «Омский вестник», «Омский телеграф» (г. Омск), «Пришлись» (г. Петропавловск), «Сибирская жизнь» (г. Томск) и других. Журналист имел большой круг общения с писателями-сибиряками: Ф.А. Березовским, А.И. Ершовым, А.Е. Новосёловым, М.М. Сызьновым, А.С. Сорокиным, Н.В. Феоктистовым, В.Я. Шишковым.

Со временем В.Д. Соколов прочно обосновался в Омске, был знаком всему городу. Однако критические высказывания в адрес властей закрепились новой карой. Возникло дело о «вредном влиянии на поднадзорных, учащуюся молодежь и железнодорожных рабочих» В.Д. Соколова. Особое совещание при губернаторе утвердило протокол о высылке В. Д. Соколова под личный надзор полиции в город Каракалинск сроком на 2 года, начиная с 30 апреля 1903 года. Журналисту пришлось уволиться с должности секретаря газеты «Степной край».

В поддержку Митрича редакцию покинули 15 сотрудников. Возможно, высылку в далёкий Каракалинск В.Д. Соколов воспринял как урок для глубокого познания Степного края. Дорожные заметки Митрича точны и лаконичны. В Павлодаре знакомые предупредили журналиста: «Каракалинские власти не любят печатного слова и вечно развязывают корреспонденентов». За банальным дорогом оживилась, нередко встречались возвращающиеся с Кояндинской ярмарки обозы. К вечеру 30 (?) мая В.Д. Соколов на почтовой коляске добрался до Талдинской долины и остановился в самом центре ярмарки на ночлег.

«Навдо виднелись шалаши скотопромышленников и небольшими группами пасущий скот. Направо — ярмарочные постройки, около которых верхом разбегались киргизы. Первая улица поражала магазинами с громадными рекламными вывесками: Дерев, Волков, Аюштин. Заманчиво выглядели маурактурные и бакалинские товары, выделанные меха и кожи, бесчисленное множество самоваров, сундуков, тизов и разнокалиберных гвоздей. Около крупных магазинов ютились мелкие торговцы, предлагающие духи, косметику, вплоть до сильнодействующих лекарств».

«...На второй улице торговали азиатскими товарами. Купцы выставили бухарские ковры, тагикский шелк, тагикские платки и халаты, киргизские одеяла. Поражало обилие ярмарочных харчевен, сооружаемых из камня или самана с обязательной гостевой юрты для особо почтаемых гостей. Поддавали вино, разливали кумыс, звалила добра. Хмельных напитков, как водка и вино, в продаже не было. За этим с 1901 года строго следил ярмарочный комитет».

«...На третьи сутки мы выехали с ярмарки, к вечеру въезжали в безмолвную степь Каракалинск. Безлюдные улицы, пустой базар, закрытые лавки. А где же люди? Везде тишина. Не слышно даже псов».

«Люди на ярмарке, — отвечали мне, — а собак бесителла полиция: сильно зло бесителла».

Восстанавливая процесс появления Митрича в Каракалах, я вначале делал ставку на старожилы города. И в 1968 году повезло дважды. Каракалинский казак Н.А. Блющин (1894 г.р.) написал, а потом повествовал в личной беседе, что журналиста Соколова взял на постой мой отец Антон Григорьевич. Алимхан Абеуевич Ермеков (1891–1970) считал В.Д. Соколова своим учителем в части совершенствования русского литературного языка: «Я тогда обучался в Каракалинском трёхклассном городском училище, и отец Абеу Ермеков доверился с Владимиром Дмитриевичем о дополнительных занятиях по русскому языку».

В Каракалах В.Д. Соколов жил на плату за частные уроки, занимаясь общественной библиотечкой. Активно писал, его корреспонденции постоянно появлялись в печати. Зарисовки и статьи Митрича ценны за достоверность, актуальность и освещенные противоречия между жителями Степи и чиновниками. Журналист мечтал об обновлении Каракалинска, рассчитывая на местную интеллигенцию.

В это время в городе проживали 10 человек с высшим и средним образованием: учителя А.П. Бельский, А.М. Мительшин, Ф.Я. Брутан, А.Ф. Захаров, А.А. Федюлин, медицинские доктора С.И. Богуславский и И.Н. Высоцкий, ветеринарный врач В.И. Бенькевич, лесничий П.Ф. Попов, капитан местной команды И.Я. Обуховский. Узлом управлял штабс-ротмистр Б.А. Оссовский, обязанности заместителя исполнял губернский секретарь Г.С. Ерёмин. Начальником почтовой-телеграфной конторы был надворный советник А.Ф. Пономарёв. Каракалам как населённый пункт исполнилось 80 лет и 10 лет, как он получил статус города. Митрич оставил нам описание города той поры:

«Каракалинск принадлежит к тем городам, где находится последний телеграфный столб и последняя почтовая станция... Только два раза в неделю приходит почта, два раза в неделю открыта публичная библиотека, два раза функционирует чайная народной трезвости...»

«В Каракалинске, как и во всяком уездном городе, есть уездное правление, две камеры мировых судей, два крестьянских начальника, почтово-телеграфная контора, лесничество, казначейство, новые каменные казармы и старая деревянная тюрьма. Есть два училища — городское, казачье, и Богом забывая сельскохозяйственная школа с прекрасной фермой...»

Кояндинская ярмарка замерла. В городе на базаре стали открываться лавки, появились владельцы их — сарты и татары; около домов торгующих стояли телеги с хлебом в зерне и мукой; в магазинах шла полочка и сортировка товаров, потерявшие моду в России и ставшие новинкой в Каракалах...»

Писал В.Д. Соколов и стихи о прошлом и увиденном:

«Через окно моей темницы,
Как на ладони, Русь видна:
Направо низкие казармы,
Налево высится тюрьма!»

Стихотворение явно отражает расположение зданий ведомств охраны и наказания. Впоследствии В.Д. Соколов стихи увёз в Семипалатинск, где и опубликовал.

Не оставила равнодушным Митрича прекрасная природа Каракалов:

«Окрестности Каракалинска! При виде их поневоле вырывается восклицание — так они дико хороши! Страшно жалко, что нет в моём распоряжении ярких красок художника, чтобы воспроизвести эту дикую природу. По каменистым глыбам, нагромождённым одна на другую, взбираешься на верх горы — и перед тобой, и внизу, и кругом тебя каменные скалы; в расщелинах торчат группы сосен, но это не гигантские сосны, Бог весть как оттоптавшие себе жизнь в каменных глыбах...»

«Но что это зияет передо мной? Не жерло ли заброшенной шахты? Нет, это громадная камера! По каменным стенам пещеры-палаты вырезана масса фамилий, посетивших её...»

Привлекает внимание и обширная статья Митрича «Каракалинск и его окрестности», в которой приводятся материалы податного инспектора Н.Н. Боготова и мирового судьи В.В. Лигалева. Журналист различает три части Каракалов: казачья станица, город и киргизская (казакская) слободка, жителей которых тесно связывали между собой экономические отношения. Так, станичные казаки имели 47 замков и 17 офицерских участков. Эти земли получены в аренду на три года 310 «киргизовладельцев», т.е. киргизов.

В станице не было даже фельдшерской, а в городе — фельдшера-акушера.

Среди казаков отмечены состоятельные семьи, которые вели меновую торговлю и под некоторый процент снабжали станичников деньгами, продуктами и товарами.

Городские торговцы в основном вели дела с населением Степи. Агенты активно действовали в октябрь-ноябрь, когда приближался срок «государственной подати» каждой степной семьи. Подать вносились деньгами, и ростоцики везли деньги в Степь под будущую оплату скотом и продуктами животноводства.

Война с Японией внесла свои краски и в жизнь Каракалов. Спешно доставлялся военный госпиталь, дамский комитет собирал деньги в пользу увечных воинов. Горнопромышленник П.П. Лимарев добытую руду транспортировал на заводы Урала. Влиятельный бий Хасен Акаев «без всяких указаний» в Кувской волости объявил сбор средств на нужды российской армии. Пожертвования составили 1000 рублей. От себя лично Хасен Акаев выделил 50 лошадей. В августе 1904 года слушалось громкое дело о поборах уездного переводчика Б. Показанова давали 40 свидетелей. Обвиняемого защищал знаменитый семипалатинский адвокат Н.Я. Кошкин.

С декабря 1905 года В.Д. Соколов живёт в Семипалатинске. Местный «Семипалатинский листок» (ре-

дактор Н.Я. Кошкин) заполнен его стихами, фельетонами, корреспонденциями.

15 ноября 1905 года жители Каракалинска откликнулись митингом на манифест от 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка», более известный как Манифест о свободе слова, печати и собраний. Уездный начальник Б.А. Оссовский оценил сход горожан как преступление, предложил уволить нескольких чиновников, участвовавших в митинге. Два солдата каракалинской местной команды Л.В. Кошкин и Б.Е. Наймарёв были арестованы и отправлены в Семипалатинск. 23 октября 50 горожан устроили чаепитие, позвали и Б.А. Оссовского — «озлобленного, потерявшего связь с миром каракалинского Трепова», но он ответил отказом.

14 ноября местный кружок любителей драматического искусства задумал поставить на сцене Народного дома пьесу Н.Я. Соловьёва «На пороге к делу». Б.А. Оссовский не дал своего согласия, запретил постановку. Артисты добились разрешения, составив жалобу на имя Семипалатинского губернатора.

«Печочка событий из каракалинской жизни В.Д. Соколова, которую я выстроил, далеко не полна. С 1 июня по 15 июля 1906 года Митрич редактировал «Семипалатинский листок». Плотно общался с А. Букейхановым, Ж. Акпаевым, К. Тогусовым, С. Чормановым, О. Альжановым, А. Курмановым. Как раз проходили выборы в Государственную думу. От казахского населения Семипалатинской области избрали А.Н. Букейханова, который 17 июня в Приказьем клубе устроил прощание перед отбытием в Петербург. Собралось 40 человек. В.Д. Соколов в числе первых пожелал А.Н. Букейханову творческих удач в законодательской деятельности Государственной думы».

Судьбы писателя и каракалинцев ещё не раз пересекались. Политическая струна уносила В.Д. Соколова в глубины Сарыарки. Все стихи, навеянные его пребыванием в стране киргизов (казахов), ещё предстоит отыскать. Но вот один куплет из «Песни Мустафы»:

«Среди степи киргизской,
как чёрная точка,
выделялась фигура
Певца Мустафы.
И слышалась песня,
и чудные звуки
неслись, поднимаясь и к небу,
и к звёздам
Широких степей».

Это уже 1910 год, когда Митрич известен как собственный корреспондент газеты «Сибирская жизнь», где печатались широко известные Г.Н. Потанин, А.Н. Букейханов, М.М. Сызьнов, Г.А. Вяткин, В.В. Сапожников, Г.Гребенщиков и другие. Через столетие эти имена вновь обрели популярность. Владимира Дмитриевича Соколова испытание славой, увы, не коснулось. Он остался просто честным писателем далёких лет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕЧЕТИ

Как краевед всегда отмечал значимость имени местных борников ислама. Ещё в 1953 году у ограды бывшей каракалинской мечети (тогда Дом пионеров) я поднял лист из Корана. Через 3 года ещё один лист священной книги привёз мне из Каракалинска отец.

Мушлы — служители мусульманской религии — издавна отмечены в каждой волости Сарыарки. Имена многих утеряны. В рукописных источниках остались имя мушлы Салиха Сагитова. Он постоянно находился в ставке султана Букее Баракханова (1737–1819). Сопровождал и принимал путешественников по Степи перепроходцев, в том числе горного инженера И.П. Шангаина (сентябрь 1816 года). В 1817 году мушле Салиху Сагитову «дан чин коллежского регистратора». С образованием в апреле 1824 года Каракалинского внешнего округа мушлы Салих Сагитов на государственной службе, он — советник старшего султана округа Турсьна Чингисова. На «обустройстве» службы в это же время выделено 500 рублей.

В августе 1826 года Каракалы посетил ботаник из Дерптского университета К.А. Мейер (1795–1855). Сотник И.С. Карбышев рекомендовал ему в разездах по округе знатока и авторитетного в Степи мушлы Салиха Сагитова. Небольшой отряд достиг массива Алтынтаубе и реки Большая Нура.

В мае-июне 1830 года в Петербурге гостила делегация Каракалинского округа во главе со старшим султаном подполковником Турсаном Чингисовым. В свите был и мушлы Салих Сагитов. Своим духовным наставником, как и его сына Худжи-Джана, Т. Чингисов просил принять в «стархаское» (дворянское) достоинство. К этому времени мушлы занимал должность губернского секретаря. Дворянин-мусульман Салих Сагитов не стал, но был удостоен чина титулярного советника и получил премию в 150 рублей серебром.

Остался в истории Каракалов и

имена мушлы Исаака, Жафара, Хайбуллы Амирова.

Служителей мусульманской религии было недостаточно. В Каракалы отправляли заявки на место мусульманского образования. Среди них в 1825 году известны мушлы Мухамедияр Ишмухаметов (Казань), мушлы Абдулгалым Абсалямов (Томск), мушлы Мухаметов (Семей). Желание осесть в Каракалах и заняться торговлей выразили 20 семипалатинских татар.

Обширные сведения по религии вопросам казахского населения содержит труд Н.И. Красовского «Материалы для географии и статистики России. Область бирихских киргиз» (1868). Автор анализирует данные с 1857-го по 1863 год в Каракалинском округе — 17 волостей, 101 аул, 18398 юрт. Упомянутый автором мушлы Сейфуллин делает попытку регулярно вести метрические книги о браках, родившихся и умерших. Он же обучает подростков. За проведённые обряды мушлы принимал плату: это мог быть и шёлковый халат, и лошадь. Титул Сейфуллина — старший мушлы ахун. У него 7 детей. Помощником у мушлы нет. Поэтому с 1863 года данные о движении населения в волостях вела канцелярия волостного управителя. Со временем назначение на должность волостного мушлы утверждалось приказом Степного генерал-губернатора в Омске или приказом Семипалатинского губернатора. Из этих приказов известно, например, что мушлы назначались:

по Дегелевской волости с марта 1906 года Балахожа Жагерхожин;
по Дагандельской волости с октября 1908 года Кенжегул Кожембетов;
по Кентской волости с апреля 1872 года Машкул Юсупбаев, с декабря 1874 года Смаил Аманжолов;
по Тершинской волости с декабря 1871 года Тургола Утегенов;
по Токраунской волости с декабря 1871 года Чинжоба Толгоенов;
по Эрейской волости с декабря 1871 года Увайхожда Акатин;
по Кылтауской волости с июля 1873 года Кентгыр Кадьров;
по Сарытауской волости с февраля 1905 года Мукатай Манапов;
по Шубартуской волости с апреля 1872 года Бектула Сокрыев;
по Аксаринской волости с декабря 1871 года Ережен Бурын, с января 1875 года Алданазар Кенжетерин, с марта 1909 года Ереубай Жагтенев.

Первая мечеть в Каракалинском округе построена в 1849 году. Летом 1865 года в Казахскую степь «по Высочайшему повелению» была направлена комиссия, которая отменила: «В округе мечетей нет, кроме одной, находящейся в Каракалинской станице, построенной на общественные счёты прихожанами. В округе есть один указанный ахун. Есть школа для татарских и киргизских детей при Каракалинской мечети, содержится прихожанами».

Инициатором строительства школы был Аджибек Чапнасов. 14 апреля 1861 года он подал заявку на строительство школы, предлагая, что для этого потребуется «600 лесин разной величины». Заявка рассматривалась в Омске, была разрешена вырубка леса для школы в Кентском бору.

Каменная мечеть была выстроена позже по инициативе штабс-капитана в отставке А.Г. Бекметова. Средства по завещанию отца его отца. В сентябре 1906 года в Каракалы приезжал генерал-губернатор Назаров, который словесно дал разрешение на строительство мечети. (Голос Степи. Омск. 1907.8 февраля.) Мусульмане провели ритуал, отгородив участок. Мечеть возвели в 1908 году. В народе её именовали татарской.

На Ботговской ярмарке мечеть устраивали на лето. Служить приезжали мушлы из Семей, Павлодара, Омска. Среди них — Абдурахман Шамсуллин (Баянауло), Абдулгалым Абдулкаресов (Павлодар), Копбай Джангаев (Мукурская волость Семипалатинского уезда).

Известны попытки строительства мечетей в разных местах Каракалинского уезда. Житель аула № 8 Дегелевской волости Байбосын Клычев обратился по этому поводу к Семипалатинскому губернатору. Он хотел «построить на зимовке своей в Кандия-чеку мечеть из сырцового кирпича», сообщила 10 сентября 1906 года газета «Семипалатинский листок».

Байбосын Клычев (Клышев) избирался заместителем волостного (1898–1901) и волостным управителем (1901–1905). В 1907 году был выборщиком по избранию члена Государственной думы от казахского населения в возрасте 44 лет. Его брат Тати Клычев избирался бием с 1881-го по 1907 год — 6 раз.

По данным Семипалатинской мечети с 1897-го (?) по 1915 (?) год ахуном Каракалинской соборной мечети состоял Кокебай Джетметов. Ему помогли Мухаммед Садык Аманбаев и сын мушлы Хунсулугата Сейфуллин. В Каракалы мушлы занимал должность губернского секретаря. Дворянин-мусульман Салих Сагитов не стал, но был удостоен чина титулярного советника и получил премию в 150 рублей серебром.

Остался в истории Каракалов и

(Продолжение следует)